

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

А. Ю. Котылев

Система эпизодов в житийных иконах святителя Стефана Пермского XVI—XIX веков

Житийная икона представляет собой устойчивый вариант визуализации основных эпизодов жизнедеятельности святого, выстроенных в канонической последовательности. Уникальность деяний Стефана Пермского, крестившего Пермь (коми народ), создавшего пермскую письменность и книжную школу, предопределила специфический строй его икон. Они характеризуются концептуальностью, использованием разнородных письменных источников. Значимую роль играют эпизоды столкновений святителя с язычниками, его интеллектуальной и учительской деятельности, молитвенного общения Стефана с Сергием Радонежским. В каждый период развития религиозной культуры меняется комбинация сюжетов, что выявляет изменения взглядов создателей икон.

Ключевые слова: религиозная культура, православная житийная икона, Стефан Пермский, христианизация, конфликт христианства и язычества, книжная школа, письменность, молитвенное общение на расстоянии.

A. Yu. Kotylev. System of episodes in hagiographical icon of St. Stephen of Perm XVI—XIX centuries.

Hagiographic icon represents a stable version of the basic visualization of life episodes Holy man, that it built in the canonical sequence. The uniqueness of the actions of Stephen of Perm, who baptized Perm (Komi people), created the script and book Perm school, determined the specific structure of his icons. They are characterized by conceptual, using diverse written sources. The significant role in icons of Stephen of Perm play a episodes of collision by Stephen with gentiles, his intellectual and teaching activities, prayerful communion Stephen and Sergius of Radonezh. In every period of the development of religious culture it is changing the combination of scenes in the hagiographic icons that it reveals changing views of a creators of icons.

Keywords: *religious culture, the Orthodox hagiographic icon Stephen of Perm, Christianization, the conflict of Christianity and paganism, book school, writing, prayerful communion at a distance, Sergius of Radonezh.*

Житийная икона играет в православной религиозной культуре особую роль: она устойчиво и характерно визуализирует житие святого, то есть письменный, вербальный текст. Сам этот текст может иметь различный вид, в зависимости от времени создания, степени канонизированности и авторства. Однако житийная иконография имеет свою логику канонизации, которая поднастраивает житие любого рода под себя. Соответственно, речь идёт не просто о переводе одного вида текста в другой (вербального, письменного, книжного в визуальный), но и о столкновении разных правил представления значимого образа, связанной с ним темы. Достаточно близкие по форме, житийные иконы могут существенно различаться по содержанию, которое зависит от типа святости и историко-культурного контекста.

Стефан Пермский выделяется среди большинства русских святых не только уникальностью своих деяний и свершений, но и спецификой их представления в культуре [8]. Кроме житийных икон, круг его жизнедеятельности воплощён также в рельефах посоха святителя [14], цикле миниатюр Лицевого летописного свода [7, с. 168—180], фресках храмов [7, с. 165—168] и даже в иллюстрациях популярных книжек. Это внимание к образу святого, конечно, не случайно. Оно выявляет увлечённость русской религиозной элиты кругом

идей, развившихся благодаря Стефану Пермскому, обозначивших движение культуры в определённом направлении, в сторону реализации целей Православного Возрождения [7, с. 21—36], но не достигших этих целей в полном объёме.

Древнейшее представление стефановских деяний после епифаниевского «Слова» — это именно костяные рельефы, если верить нашим искусствоведам и литературоведам, они датируются XV столетием по данным палеографии [14, с. 230]. Среди этих изображений есть и сюжеты, заимствованные из ранних преданий. Например, встреча святителя с язычниками-вогулами (современные манси) на реке. Согласно этому сюжету, враги, сильные и вооружённые, бежали от одного вида фигуры святителя и знака креста. Другое изображённое предание отсылает нас к Вымско-Вычегодской летописи, к преданию об ослеплении язычников [14, с. 231]. Согласно интерпретации А. В. Чернецова, есть среди рельефов и сокрушение Стефаном некоего демона-идола топором [14, с. 232], что напоминает сюжеты народных преданий, хотя может быть связано и со «Словом» Епифания [2, с. 116—117]. Впрочем, надписи на посохе читаются плохо, интерпретация изображений остаётся спорной, последовательность их, вероятно, нарушена, поэтому считать рельефы посоха полноценной композицией можно лишь условно.

Древнейшая житийная икона Стефана, вероятно, была создана в Москве, находилась в храме Спаса на Бору в Кремле, где упокоился святитель. Однако до нашего времени эта икона не дошла, сохранилось только её плохое изображение. В целом эпизоды данной иконы соотносимы с двумя рассматриваемыми ниже. Какая из них возникла раньше другой, сегодня сказать трудно.

Самая обширная по ряду своих эпизодов, возможно, самая древняя из сохранившихся и самая почитаемая (чудотворная) житийная икона Стефана Пермского долгое время хранилась в селе Вотча на реке Сысоле, где святителем был основан один из первых монастырей. Икона была впервые подробно описана церковным священнослужителем П. Шаламовым [15], отцом автора «Колымских рассказов». На груди центрального изображения Стефана была прикреплена панаяга с его мощами. Икону носили с крестными ходами в Усть-Сысольск и даже в Усть-Вымь. На полях её имелись знаки стефановской азбуки. В 1941 году икона была доставлена в Музей

Республики Коми, где её оценили как произведение XIX века и забросили на десятилетия. Панагия с неё была сорвана, икона потемнела, но сохранилась её прорись с описанием клейм [9]. По описи ясно, что сюжетов в ней было больше, чем в любой другой житийной иконе, в том числе такие, как «Стефан азбуку незнаему сложил на пермском языке», «Стефан сжигает кумирницу», «Стефан взял пансотника за руку и ведёт его на огонь», «Стефан проводит пансотника через воду», «Стефан со старейшими волхвами», «Стефан крести пермские люди», «Пермские люди ставят храм в честь Стефана» и другие. В ходе реставрации в Центре Грабаря в Москве было выяснено, что икона подвергалась воздействию огня: она пережила пожар. Было установлено, что икона датируется концом XVI — началом XVII века. Однако реставрация была прервана известным пожаром в мастерских. Притягивает ли икона к себе огонь? Она вновь пострадала, хотя и не сгорела полностью. Поскольку она лежала красочным слоем вниз, выгорело её деревянное основание, а красочный слой уцелел.

Вторая древнейшая икона хранится в музее Сольвычегодска. Она датируется началом XVII века [5, с. 67—68, № 59]. Это уникальная икона не только по своему качеству и сохранности, но и по своей концептуальности. Здесь соединены сразу три жития, что нетипично для православной иконописи. Ряд клейм начинается в левом ряду, на один эпизод ниже верхнего ряда. Здесь изображён сюжет из жития Прокопия Устюжского (Праведного), покровителя Устюга. Он предсказал матери Стефана, Марии, что она родит святителя Перми, когда ей было только пять лет. Этот сюжет был характерен для житийных икон самого Прокопия [3, с. 162]. Далее, вверх и направо, следуют обычные эпизоды рождения, крещения, пострижения, возрастания. Характерно, что здесь присутствует клеймо с изображением книжной работы русского философа. Оно может быть сопоставлено только с миниатюрой Лицевого свода [7, с. 170—171], хотя та, конечно, сложнее как по замыслу, так и по композиции. Далее клейма чередуются слева направо. В правом ряду изображено плавание на лодке, но без столкновений с язычниками. Только лодка со спутниками, река и горки за ней. Слева, ниже, видимо, поставление в епископы. Справа, напротив, нападение язычников на Стефана, они не только вооружились против крестителя, но и обложили его соломой

и ветвями, подожгли. Надо полагать, здесь имеет место творческое осмысление эпизодов из епифаниевского «Слова». Стефан стоит в огненной мандале, за пределами которой беснуются бесомольцы. Слева, ниже, мы видим испытание огнём. В отличие от других изображений данного сюжета, Пам стоит в огне, а Стефан молится за пределами горящего дома. Волхв гол, он напоминает беса из миниатюры [7, с. 174], но в то же время обладает длинным и острым носом, как у европейца, литовца. Это позволяет предположить, что икона была написана уже после окончания Смутного времени, во время которого Соль Вычегодская была разграблена литовским отрядом. Строгановы поддерживали законные власти в Москве: Годуновых, Шуйских. Наверняка шли слухи об их богатствах, поэтому грабительский отряд вполне мог быть сюда привлечён. Попутно он разорил Вологду, но Устюг взять не смог. Справа, напротив, мы видим, надо полагать, ещё один спор с язычниками. Нижний ряд начинается сценой их крещения, потом следуют два клейма (что тоже необычно), изображающие молитвенное общение Стефана и Сергия. Каждый святой коленопреклонён в своей клетке. Стефан показан на фоне горок, за ним пара спутников. Сергий изображён в трапезной, за ним стол с монахами и приборами. Данный эпизод представлен только в «Житии Сергия» [4, с. 374—376]. Последние два клейма (вновь нетипичные) представляют смерть Стефана. Возможно, они инициированы плачами в «Слове» Епифания. Но тогда их должно быть три. В первом из них со святителем прощаются монахи (Пермская церковь?), во втором — некие иерархи или князья (великий князь Василий Дмитриевич?). В целом композиция этой житийной иконы, порядок её эпизодов, несомненно, продуман. Можно смело предполагать, что это следствия заказа самих Строгановых или книжников их дома.

Ещё одна житийная икона была непосредственно обнаружена автором статьи в музее Ульяновского Троице-Стефановского монастыря на реке Вычегде. Церковная традиция связывает основание этого монастыря со Стефаном Пермским, но научных доказательств этому событию нет. В музее у стены стояла большая белая доска.

- Вот принесли недавно, — пояснил монах. — Явно икона была.
- Да тут следы от петель, её как дверь использовали.

Я прошёл мимо доски, но что-то заставило вернуться и осмотреть её внимательнее. Сквозь побелку просвечивали тёмные пятна. Я навёл фотоаппарат, сверкнула вспышка, на экране проступил лик, над ним золотилась надпись: «Святитель Стефан Пермский». Я отступил и сфотографировал доску целиком.

— Да это ведь житийная икона Стефана! — воскликнул я, показывая аппарат спутникам. — Только верхний, нижний и левый ряды обрезаны. Остались только справа семь клейм. Видно их плохо, вот это, должно быть, проповедь или спор, а вот эта — испытание огнём. Большая была икона!

Большие тёмные глаза святителя печально глядели на возбуждённых потомков, вызванные к свету чудом современной техники. Впоследствии выяснилось, что это, вероятно, образ, писанный придворным художником-иконописцем В. М. Пешехоновым, который создал 54 работы для иконостаса Ульяновского монастыря за 2500 рублей. Интересно, что данная икона, надо полагать, является единственной упомянутой им отдельно в договоре.

«Сверх сего, я, Пешехонов, жертвую икону св. Стефана Великопермского с чудесами, на моей, Пешехонова, кипарисной доске и по выданному рисунку и мере» [11, с. 86—89].

Определённый интерес представляет и другая поздняя икона из Ульяновского монастыря, исследованная автором статьи. Обычно клейма идут слева направо, рядами. Но в этой иконе XIX столетия последовательность явно нарушена. Верхний ряд, посвященный периоду становления и образования святого, его «церковной карьере», построен вроде бы правильно, но почему-то Стефан, изначально выделенный нимбом вокруг головы, предстаёт то молодым, то старым, то снова молодым. Надписи плохо читаются, боковые ряды читаются здесь скорее сверху вниз, что в общем-то нетипично. Слева мы видим продолжения сцен посвящения и благословления, затем следуют эпизоды беседы и проповеди, заканчивается все, правда, почему-то нападением язычников. Правый ряд начинается ниспровержением идола. Изображение выявляет знакомство иконописца с европейской живописью. Трёхъярусный пьедестал напоминает классические картины, что-нибудь из Пуссена. Стефан валит статую неким жезлом, который держит в левой руке, сопровождая эту операцию простиранием правой ладони. Ниже святитель явно венчает какую-то па-

ру. Что это за сцена — непонятно, среди известных источников такой нет. Местное предание? Возможно, впрочем, речь идёт о пассаже из «Слова» Епифания, где Пермская церковь уподобляется невесте [2, с. 90—91].

Ещё ниже — изображение народного предания из повести XVII века. Знаменитый сюжет про то, как Стефан срубил прокудливую (т. е. чудесную, причудливую) берёзу. Ни у Епифания, ни в Вымско-Вычегодской летописи этого эпизода нет. Он появляется в повестях, а затем укореняется в церковной литературе [1]. В берёзе жили демоны, она стонала, обливалась кровью, продолжалось это три дня.

Ещё ниже изображение молитвенного общения Стефана Пермского с Сергием Радонежским. Сергей в чёрном, с нимбом, слева. Перед ним стол, за которым сидят монахи, действие происходит в трапезной Троицкой обители. Стефан изображён снаружи, на фоне повозки. Композиция клейма такая же, как на современной фреске в Сергиево-Троицкой лавре. Остаётся выяснить только, что за фигура в рамке на стене в трапезной, за столом, между двумя святыми. Икона? Или какая-то форма символизации чуда? Возможно, боковые клейма следует читать всё-таки слева направо. Тогда у нас получаются пары сюжетов: «Благословление на миссию — Низвержение идолов», «Рукоположение в епископы (а что там за ребёнок — служка?) — Венчание (кого с кем?)», «Беседа — Рубка берёзы», «Проповедь — Молитвенное общение». Всё более-менее последовательно и логично.

Тогда нижний ряд выделяется в самостоятельную последовательность сюжетов, почти не связанную с верхними клеймами. Здесь преобладают чудеса. Крайнее слева изображение — нападение вооружённых язычников, упоминания об угрозах оружием есть у Епифания [2, с. 108—111] и в летописях. Подобное изображение есть и в миниатюрах Лицевого свода [7, с. 172]. Знал ли его иконописец? Второе клеймо вновь отсылает нас к «Повести», а также к самому древнему циклу изображений деяний Стефана — рельефам по кости на его посохе, который хранится сейчас в Пермском музее, а до этого стоял при мощах святителя в храме Христа Спасителя в Московском Кремле (церкви Спаса на Бору), а потом был похищен литовским гетманом при разорении Москвы поляками во время смуты, а по находке в Литве уже увезён в Пермь.

Анализ житийных икон Стефана Пермского в соотношении с другими циклами его изображений показывает, что они характеризуются рядом специфических свойств. Во-первых, житийные иконы опираются не только на текст «Слова» Епифания (основной житийный текст), но также на ряд последующих произведений (летописи, повести, описания чудес). Во-вторых, изобразительные ряды также иногда пересекаются друг с другом. Всё это, в-третьих, указывает на концептуальность работы изографов, которые ориентировались на общую традицию восприятия наследия Стефана Пермского. В центре этих представлений устойчиво закрепляется не только чудотворность деяний святителя, но также их интеллектуальность. Немаловажной является и роль крестителя пермян как посредника между центральной (русской) и местной (пермской) культурами.

* * *

1. А. М. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1856.

2. Епифаний Премудрый. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Святитель Стефан Пермский / статья, текст, перевод с древнерус., ком. Г. М. Прохорова. СПб.: Глагол, 1995. С. 50—265. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях.)

3. Житие святого праведного Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца. М.: Памятники исторической мысли, 2003.

4. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV—XV века. М.: Художественная литература, 1981.

5. Иконы строгановских вотчин XVI—XVII веков : каталог-альбом. М.: Сканрус, 2003.

6. История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1996.

7. Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV—XXI веков. Сыктывкар: Коми государственный педагогический институт, 2012.

8. Котылева И. Н. Иконография св. Стефана Пермского XVII в. // Арт. 2013. № 4. С. 152—164.

9. Котылева И. Н. Житийная икона св. Стефана Пермского из с. Вотча: история её бытования и аналогии // Музеи и краеведение : труды

Национального музея Республики Коми. Сыктывкар: НМРК, 2010. Вып. 7. С. 20—28.

10. Лицевой летописный свод. Т. 6 (2-й Остермановский том). БАН. 31.7.30.

11. Плаксина Н. Е. Иконописцы и иконостасные мастера в Коми крае (XVII — начало XX века). Сыктывкар: ГУК «Национальная галерея РК», 2010.

12. Повесть о Стефане Пермском // ЦГАРК. № 474.

13. Чагин Г. Н. Почитание Стефана Пермского в Перми Великой в XV–XVII веках // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар: КНЦ РАН, 1996. Т. 1.

14. Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1988. 218—237. Т. 41.

15. Шаламов П. Церковно-историческое описание Вотчинского прихода Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Усть-Сысольск, 1911.